

Виктор Борисович Вургафтик

20.03.1935 – 27.11.2017

В поисках бессмертия



12+

Виктор Вургафтик
В поисках бессмертия

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вургафтик В. Б.

В поисках бессмертия / В. Б. Вургафтик — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Книга включает 32 текста Виктора Борисовича Вургафтика, ученика философа и богослова Якова Друскина, содержащие его личные философские и религиозные размышления и интуиции. Издание подготовлено вдовой В.Б. Вургафтика Зоей Владимировной Вургафтик и публикуется с её разрешения.

Содержание

| | |
|------------------------------------|----|
| Предисловие | 5 |
| Биография | 7 |
| Мои представления | 8 |
| Что мне делать ? | 15 |
| О свободе | 17 |
| Вариация на систему Я.С.Друскина | 19 |
| Кто я ? | 21 |
| Три соблазна | 23 |
| Моя бесконечная заинтересованность | 25 |
| О мире | 26 |
| Рассуждения о себе и космосе | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 29 |

Предисловие

Виктор Борисович Вургафтик родился в Киеве в 1935 году. Его родители были евреи из бедных семей, получившие высшее образование. Отец, Борис Самойлович Вургафтик, всю жизнь преподавал математику. Мать, Раиса Семёновна Грановская, была химиком-технологом. Незадолго до немецкой оккупации Киева семье удалось эвакуироваться. Отец Виктора Борисовича был призван в армию и дошёл до Германии. Вскоре после войны семья вернулась в Киев.

Школу В.Б. кончил с золотой медалью, однако путь в университет ему как еврею был закрыт. Ради основательного курса физики, которая в те годы неудержимо влекла его, В.Б. поступил в Киевский Политехнический институт на факультет сварки, но никогда не работал по специальности. Второе высшее образование он получил, заочно окончив физико-математический факультет Борисоглебского педагогического института, что дало ему возможность зарабатывать на жизнь преподаванием физики и математики.

Круг его интересов определился ещё в школе: он увлекался русской классической литературой и физикой. Однако ещё мальчиком В.Б. присматривался и к философии, которая с годами стала занимать его всё сильнее и наконец решительно вышла на первое место, оттеснив все другие занятия.

Подобно многим детям, В.Б. увидел себя однажды перед несомненным фактом: наступит день и он – рано или поздно – умрёт. Это привело его в нестерпимый ужас, от которого мальчик не уклонился, который не затолкал в подсознание, но принялся внимательно всматриваться в него. Можно сказать с уверенностью, что этот ужас определил всю его последующую жизнь.

Наступит день, и В.Б. начнёт рассказывать родителям – и не только родителям – о Христе. Но до этого ещё далеко, а впереди – долгие годы неотступных поисков бессмертия, жажду по которому, а, значит, и неосознанную веру в него В.Б. получил ещё ребёнком.

Родители В.Б. не были, строго говоря, советскими людьми, особенно отец, который вскользь мог заметить десятилетнему сыну, что Сталин сумасшедший или что демократия не у нас, а в Америке. Глубоко порядочные люди, они дали сыну не религиозное, но исключительно нравственное воспитание. Что касается Бога, то ещё мальчиком В.Б. усвоил: еврейский Бог суров и жесток, а христианский, напротив, милосерд. И это как-то уживалось с рассказами о погромах. С бытовым антисемитизмом В.Б. сталкивался мало, зато официальный всю жизнь вставлял ему палки в колёса, и где бы В.Б. ни работал, он всегда оставался на последних ролях.

Школа наложила на В.Б. свой отпечаток, и в положенное время он вступил в комсомол, однако очень вскоре понял, что живёт в стране с тоталитарным режимом. Подобно многим людям, думающим в этом направлении, он сперва решил, что господствующая идеология искажала учение марксизма-ленинизма, и принялся основательно вникать в него. В сторону идеалистической философии он не смотрел, пока окончательно не разуверился в материализме.

Я.С. Друскин, будущий учитель В.Б., считал, что первая ступень веры есть желание верить. В.Б. несомненно желал, правильнее сказать, жаждал веры, и одно из его первых юношеских сочинений имело очень показательное название: «Бог – это человек будущего». Оно очень характерно для своего времени, когда в изобилии появлялись научно-популярные романы и статьи, авторы которых более или менее искренно навязывали читателям сходные идеи, можно сказать, утешали их.

За тяготением В.Б. к физике, за его прославлением могущества науки стояло то, что Друскин называл впоследствии влюблённостью в космос. Но эта влюблённость высказывала всё ту же жажду бессмертия, о чём сам В.Б. пишет, например, в рассуждении «Пути». Практически все его работы, какие бы темы в них ни затрагивались, отражают его личные духовные поиски, его тоску по Вечной Жизни.

Впоследствии Друскин указал ему на Христа, подчеркнув, что Христос является не одним из учителей человечества, но единственным путём в Вечную Жизнь. Однако к вере в Бога Авраама, Исаака и Иакова В.Б. пришёл до знакомства с Друскиным через многолетние занятия философией, изучение разных религий и, главное, чтение Библии.

В молодости он много внимания уделял самообразованию: помимо собственно философии изучал психологию, логику, историю искусств, биологию. Часто посещал выставки, ходил в театры и особенно любил кино. Однако довольно рано он стал испытывать равнодушие ко всему тому, что прежде привлекало его внимание, особенно если убеждался, что это отвлекает его от Христа. Только физика и математика выдержали испытание, поскольку давали ему подходящий язык для высказывания его христианских интуиций. Через всю жизнь он пронёс любовь к Достоевскому, Кафке и Баху.

Активно используя философскую терминологию Друскина, В.Б. шёл собственным путём, даже когда развивал классические для Друскина темы греха, свободы выбора и несовместности Христа и мира. После смерти учителя он занялся исключительно богословием, уделяя особое внимание вопросам Церкви, соборности и храма.

В.Б. никогда не считал себя сильным и благодарным сердцем принял весть о том, что Христос пришёл к таким как он сам – к людям, беспомощным против греха, не имеющим за душой ничего, чем могли бы они похвастаться в день Суда. Этой верой он жил до последнего своего часа.

В 1972 году В.Б. – ради общения с Я.С. Друскиным, которого он считал не ниже апостола Павла, апостолом невидимой Церкви, – В.Б. переехал в Ленинград и семь лет провёл «у ног учителя». Пережив его почти на сорок лет, он умер в ноябре 2017 года.

Зоя Владимировна Вургафтик

Биография

Родился в Киеве. Незадолго до оккупации города семья эвакуировалась в Оренбургскую область, затем в Киргизию. Отец В.Б. был мобилизован, воевал и дошел до Германии. После войны семья вернулась в Киев.

Виктор Борисович окончил школу с золотой медалью. Затем учился в Киевском Политехническом институте (КПИ), но инженером почти не работал. Второе высшее образование получил заочно, окончив Борисоглебский педагогический институт. Преподавал математику и физику в школе и на подготовительных курсах в КПИ, а после переезда в Ленинград – на подготовительных курсах в ЛИИЖТе и ФинЭЖЕ.

Круг его интересов определился еще в школе: он увлекался русской классической литературой, но больше всего физикой и математикой. В те годы он был влюблен в космос. Философия начала интересовать В.Б. очень рано. Пройдя через увлечение марксизмом, изучал идеалистическую философию, особенно Платона, а также буддизм и иудаизм.

В 60-70 гг. в Киеве сложился круг людей, которых объединяли духовные искания. Среди них: композитор В.Сильвестров, дирижер И.Блажков, поэт С.Вакуленко, который был ближайшим другом В.Б.Вургафтика, а также художники Г.Гавриленко и А.Лимарев. В 1971 г. И.Блажков познакомил В.Б.Вургафтика с работами Я.С.Друскина.

В 1972 году В.Б. переехал в Ленинград ради постоянного общения со своим учителем Я.С.Друскиным. Их встречи продолжались регулярно вплоть до смерти Я.С.Друскина в 1980 году.

Благодаря Я.С.Друскину все внимание В.Б.Вургафтика сконцентрировалось на Христе. В своих работах по логике и теории познания он развивал основные положения Я.С.Друскина и пользовался его односторонне – синтетическим тождеством. После смерти Я.С.Друскина В.Б. в основном занимался вопросами экклезиологии.

Образование: окончил КПИ и Борисоглебский педагогический институт, учился на 3-х годичных курсах английского языка.

Общественная деятельность: много преподавал, обладая исключительной способностью очень сложные вещи объяснять просто. Пользовался любовью своих учеников.

Мои представления

Киев, ноябрь 1969 г.

Мои представления постепенно изменяются, всё более приближаясь, как я полагаю, к истине. Это, быть может, та самая абсолютная истина, к которой, согласно официальной точке зрения, приближается научное познание; но я знаю, что человек может её достичь и без оного. Однако она и подходы к ней значительно глубже мышления и потому не могут быть добыты рассуждениями и дискуссией. Рамакришна, который видел её так ясно, как немногие из живущих, не был силён в аргументации, логике.

Последнее время я говорю о мире на языке планиметрии. При этом лучше пользоваться квантовой планиметрией; под нею я понимаю плоскую геометрию, в которой длина может быть не любой, а лишь кратной некоторой неделимой длине – её называют элементарной; я буду называть её единицей. Таким образом, длина участка какой-либо линии /прямой или кривой/ между двумя её точками может быть равна нулю /тогда эти точки совпадают/, одной единице, двум, трём и т.д., n единицам / n – целое неотрицательное число/, но не может равняться $2/3$ или $12,4$ единицам. Существует мнение, что геометрия реального мира именно такова, но из-за того, что единица ничтожна мала /~10-13 см/, мы этого обычно не замечаем, и нам кажется, что длина изменяется не скачками, а непрерывно. Если это так, длину можно сравнить с энергией атома, которая, как известно из квантовой механики, может принимать лишь некоторые ступенчатые значения и потому изменяется только скачками, не выливается из атома, а высыпается. Меня не интересует, так ли обстоит дело с длиной, но язык такой геометрии кажется мне очень подходящим для описания мира.

Она существенно отличается от обычной. Так, в ней не через любые две точки можно провести прямую: в противном случае могло бы оказаться, что длина её отрезка между этими точками не кратна единице. Не всегда две непараллельные прямые пересекаются – ведь на какой-нибудь из них может быть точка, которая вместе с точкой пересечения выделила бы отрезок дробной длины. Вообще следует отметить, что не в любом месте данной линии можно взять точку; необходимо, чтобы её участки между взятой точкой и другими принадлежащими ей точками имели целочисленные длины. Кажется парадоксальным, что несовместимы окружность и её радиус – отрезок, соединяющий её центр с какой-нибудь её точкой; однако длина окружности /от этой точки до неё же/ $l = 2\pi r$, где r – длина радиуса, так что обе эти длины никак не могут быть целочисленными. Если проведена окружность, мы не можем провести её радиус, а если дан радиус, нельзя построить окружность. Но такова уж квантовая планиметрия! Ведь не удивляются же физики тому, что у электрона не может быть одновременно местонахождения и скорости и чем в большей степени он обладает одним, тем в меньшей степени ему присуще другое /когда я говорю, что электрон не обладает скоростью, я имею в виду не то, что скорость равна нулю, а то, что это понятие не имеет для него смысла, как например, понятие цвета/.

Итак, представь себе множество всех лучей, исходящих из единого центра, и описанную из него дугу единичной длины. Допустим, она может двигаться, всегда оставаясь, однако, дугой с тем же центром и той же длины; понятно, что по мере приближения к центру она всё сильнее искривляется. Всякое ли движение для неё возможно? Если бы оно было плавным, каждый из её концов мог бы описать линию, не кратную единице, а такая линия в нашей геометрии невозможна. Значит, движение может быть только скачкообразным: наша дуга исчезает в одном месте и в тот же момент появляется в другом.

Пусть возможны лишь круговые и радиальные скачки. Чтобы представить себе круговой скачок, опиши из нашего центра дугу длиной в две единицы и совмести неподвижную дугу сперва с одной её половиной /положение до скачка/, а затем – с другой /положение после него/. А что такое радиальный скачок дуги?

Прежде всего рассмотрим такое её положение, в котором концы её принадлежат двум лучам, т.е. на луче от центра до дуги укладывается целое число единиц. Разумеется, никакие лучи, расположенные между этими, её не пересекают. Дугу в таком положении будем называть полной, а во всяком другом – пустой /причина употребления этих слов станет ясной позже/.

Так вот, если радиальный скачок совершается внутрь, дуга после него должна быть полной, причём часть плоскости, содержащая её и ограниченная двумя лучами, проходящими через её концы, должна содержать также прежнее её положение. Радиальный скачок наружу можно описать точно так же, только прежнее положение дуги становится новым и наоборот; таким образом, вначале она обязательно должна быть полной.

Скачки того и другого рода могут чередоваться по одному или сериями. Конечно, дуга всё время может совершать круговое движение. При этом она либо всегда полна, т.е. между скачками опирается на два луча, либо всегда пуста. Совершая же постоянное радиальное движение одного направления – внутрь или наружу – дуга должна быть всегда полной /за исключением, быть может, исходного положения при движении внутрь/. Она может достичь центра, свернувшись при этом в точку /как бы намотавшись на диск нулевого радиуса/, – ведь в этом положении она полна. Наконец, она может возникнуть из центра.

Как видишь, мой язык не исчерпывается геометрией – это язык кинематики. Теперь настало время объяснить, зачем мне понадобился весь этот аппарат, дать толкование притче.

Плоскость – это мир. Пусть в некоторый момент дуга полна. Рассмотрим её и часть плоскости, содержащую её и ограниченную двумя лучами, на которые она опирается. Дуга есть человеческое сознание, душа, в которой в данный момент находится эта часть мира. Или иначе: дуга – это субъект, а рассматриваемая часть плоскости – созерцаемый им объект. Тем самым два луча, которые её ограничивают, представляют собою границу, отделяющую его от всего остального. То обстоятельство, что дуге принадлежит точка одного из этих лучей и точка другого /конечные точки дуги/, мы выразим теперь так: субъект созерцает границу объекта /а, значит, его самого/. Заметим, что в этом состоянии он не видит тех меж, которые разделяют самый объект, – он увидел бы некоторые из них, если бы отошёл дальше от центра, чтобы иметь возможность опираться на лучи, проходящие внутри объекта; таким образом, пока он этого не сделал, объект представляется ему цельным, неделимым. Так мы созерцаем птицу, если нам нет дела до того, что она состоит из головы, крыльев и пр. и тем более до атомов, из которых она построена. А что, если субъект приблизится к центру и прежний его объект растворится в большем? Вот что: он увидит как целое птицу вместе с деревом, а, может быть, и со всем лесом. Знакомо ли тебе такое видение?

При круговом движении один объект сменяется в сознании другим, находящимся на том же уровне, это простая смена впечатлений. А когда сознание пусто /дугу не пересекает ни один луч, так как в противном случае длина его отрезка от центра до дуги оказалась бы дробной/, в нём нет никаких границ, а, стало быть, нет объектов. В этом случае для человека – небытие, он без сознания или во сне без сновидений.

А если он видит сны? Значит, он созерцает объекты, его душа полна, как и тогда, когда он бодрствует. Только движется она не по своей привычной траектории и объекты видит непривычные: вместо нескольких знакомых объектов – их синтез или, наоборот, вместо привычного целого – его обломки; как правило, однако, происходят не столь простые изменения того, что мы видим обычно. Тебе, очевидно, ясно, каким образом первое связано с уменьшением, а второе – с увеличением радиуса, которому отвечает бодрствование. Между прочим, если засыпание не начинается радиальными скачками наружу, ему непременно сопутствуют сновидения, ибо скачки внутрь не могут приводить сознание к пустоте; после них оно может погрузиться в небытие, совершив скачок наружу; если теперь пробуждение невыполнимо скачком внутрь, оно также обязательно сопряжено со сновидениями: прежде чем перейти к бодрствованию, сознание должно двинуться внутрь.

Вообще, можешь ли ты провести чёткую границу между видением реального и видением, галлюцинацией? Если ты скажешь, что одно утверждается всеми и, следовательно, объективно, а другое – только одним, я напому тебе о массовых галлюцинациях и, главное, смогу допустить, что души громадного большинства бодрствующих людей обращаются вокруг центра на одинаковых расстояниях и могут совмещаться друг с другом в конечном числе круговых скачков; что лишь некоторые сдвинуты с этого уровня внутрь или наружу либо несовместимы с большинством. Другими словами, я вправе допустить, что объективное – это просто созерцаемое обычно подавляющим большинством душ. Я считаю, что общий уровень принадлежит области науки и техники, так как наружная, опытная, часть этой области имеет дело с объективным. Глубже находится область математики, логики, философии /математическое или философское понятие охватывает множество научных/, а ещё глубже – область искусства. И действительно, разве те явления, которые науке кажутся разрозненными, искусство не видит взаимосвязанными и нераздельными?

Из всех областей культуры наиболее близкой к центру является область Священного Писания. Она яснее всех рассказывает о центре, который, как ты, по-видимому, уже догадался, есть Бог. И действительно, человеческая душа, соединившись с Ним, не созерцает ли сразу все границы и все объекты, в том числе мир как единое целое? И не становится ли она Им? И не верно ли, что в Нём всегда есть душа, – ведь она отделяется от Него при рождении человека? А после смерти душа в конце концов сливается с Ним.

Разумеется, границы между областями культуры в общем условны. Обычно соответствующей области принадлежит не только содержание произведения культуры, но и его форма. Так, целостное научное произведение посвящено раскрытию некоторой научной идеи, научного понятия, и построено оно тоже из научных понятий. То же самое относится к произведению математики, только здесь мы должны говорить о математических понятиях, которые более глубоки, более общи, чем научные. А как обстоит дело в искусстве? Возьмём, например, исполнение скрипичной сонаты. Слышание каждого её звука может быть просто созерцанием скрипки /слово «созерцание» имеет у меня не только зрительный смысл/; можно взять и глубже, подумав о скрипке вообще, о понятии скрипки; но можно заметить, что каждый звук неповторим, ибо обладает бесконечным множеством свойств /которое отнюдь не исчерпывается высотой, громкостью, тембром и длительностью, но включает характер дрожания, быть может, тревожность и др./ и, таким образом, является самостоятельным, полноценным объектом, в котором «скрипичность» – лишь одно из них; что в сонате все эти объекты прекрасно пригнаны друг к другу, составляют живой организм. Это и означает, что ты настолько переместился внутрь, что увидел форму сонаты. Тогда на значительно более глубоком уровне ты, вероятно, заметишь и тот охватывающий все звуки цельный объект, который составляет её содержание. То же можно сказать, например, о рисунке, каждый штрих которого со всеми своими изгибами, утолщениями и пр. индивидуален, неповторим и гармонично сочетается с остальными штрихами. Не все в данный момент в состоянии совершить скачки, позволяющие созерцать форму художественного произведения, а затем – скачок на ещё более глубокий уровень, на котором можно увидеть содержание; иначе говоря, не все в состоянии полностью понять произведение и осознать его единство. Для науки это, естественно, легче, а для Священного Писания – труднее /людям часто кажется, что дело обстоит наоборот, но они ошибаются, когда думают, что полностью поняли художественную или библейскую книгу/.

В этом письме я пытаюсь раскрыть /для тебя и заодно для себя/ содержание, находящееся в области Священного Писания, посредством формы, которая состоит из математических понятий. Ясно, что совершить такой скачок весьма нелегко.

Теперь посмотрим, что такое творчество. Это, конечно, скачок или серия скачков внутрь от некоторого исходного уровня, в результате которой разрозненные вещи видятся моментами чего-то большого и неделимого /экспериментальные факты – моментами закона науки, мате-

математические утверждения – моментами аксиомы математики, общеизвестные события – моментами идеи романа/. Творчество как раз и есть открытие этого большого, которое является не чем иным, как содержанием данного произведения.

Но ты можешь указать на другое различие между созерцаниями реального и нереального: первое видится обычно намного ярче второго, лишь в редких случаях видение по своей яркости может сравниться с реальностью, если не считать сновидений. Однако душа связана с телом. Связь эта состоит в том, что, во-первых, существует такой уровень, на котором она созерцает тело единым, не отличным от всего остального, и, во-вторых, предельное время её покоя тем больше, чем она ближе к месту этого созерцания; расстояние измеряется по дугам и лучам. Это означает, что душа в среднем проводит больше времени поблизости от ощущения своего тела отдельным неделимым объектом, как бы тяготеет к этому положению. В самом деле, человек больше занят своим телом, чем вещами, которые с ним непосредственно связаны, и подавно – чем вещами, связанными с ним слабее; при этом он сознаёт его цельным, но отличает от прочего. Так как душа обычного человека находится, как правило, на общем уровне, его тело должно представляться таковым именно здесь, и при этом должно быть расположено относительно других тел сообразно с требованием совместимости душ.

Теперь ясно, что такой субъект не может остановиться надолго не только на объектах, видимых вдали от общего уровня, но и на тех, которые можно созерцать на самом этом уровне далеко от его тела. А что для тебя отчётливее – дом, на который ты смотришь достаточно долго при свете солнца, или выхваченный из мрака вспышкой молнии /предполагается, что ты видишь его впервые/? Вот почему реальность кажется нам более яркой, чем воспоминание или фантазия. Мы видим относительно яркое сновидение тогда, когда душа уходит недалеко от положения, к которому она тяготеет. Но не видеть снов мы можем сколь угодно долго – расстояние пустой души от этого положения лишено смысла.

Следует учесть, что, двигаясь всё время на одном уровне в одном направлении, душа созерцает всё новые и новые объекты, ни один из них не заполняет её дважды; это, как легко сообразить, получается оттого, что число π иррационально. Значит, если душа нашего обычного человека находится на общем уровне «совсем близко» от своего тела, но в действительности может опереться на его граничные лучи лишь после одного или нескольких оборотов вокруг центра, она весьма далека от него, так что её объект кажется ей очень блеклым. А если она откуда-нибудь возвратилась на общий уровень так, что вообще не может созерцать своё тело в результате конечного числа круговых скачков /а, значит, не может таким путём совместиться с другими душами – очевидно, и это возможно/? Тогда её расстояние от него следует считать бесконечным, а время пребывания здесь – нулевым; иными словами, такое возвращение запрещено.

Итак, дерево представляемое, видимое во сне или в галлюцинации так же реально, как и то, которое признаёт реальным огромное большинство.

Ещё несколько слов о теле. Точно ли положение о том, что обычный человек созерцает своё тело на общем уровне единым и отличным от всего остального? Допустим, он голоден, и перед ним лежит вкусная еда. Не правда ли, он уже ощущает её неотделимой от себя и вместе с тем не принадлежащей телу? Это ощущение и есть желание её. Насытившись, человек и вправду чувствует своё тело единым и отдельным. Выходит, оно вначале охватывалось единичной дугой вместе с чем-то прилегающим к нему /скажем, с двух сторон/ – пищей, а затем заполнило эту дугу целиком. Аналогично обстоит дело с жаждущими водой, задыхающимся и кислородом. Существенно, что пища, вода, кислород не заполняют дугу, т.е. не являются для человека объектами. Когда же ему нужно избавиться от веществ, выводимых организмом, всё получается наоборот: он ощущает себя не единым, дуга не охватывает тела, а потом самоощущение становится обычным – это уже охват. Можно, таким образом, сказать, что тело пульсирует, – в этом и состоит отличие живого от неживого.

Общий уровень не следует представлять себе совершенно неподвижным, он медленно удаляется от центра /конечно, скачками в целое число единиц/. Не всегда он пролегал в области науки и техники. Было время, когда вся Европа признавала Священное Писание, т.е. когда европейцы находились гораздо ближе к центру, чем теперь. Было и Возрождение, в которое объективное более или менее совпадало с художественным. Может создаться впечатление, что расширение общего уровня есть само течение объективного времени. Однако это верно лишь в рамках одной эры: переход от язычества к христианству был движением общего уровня вспять – от развитых искусства, философии, математики к Священному Писанию.

Не следует ли отсюда, что все объекты, которые созерцались на общем уровне в какой-то период античности, могли быть объективными и в христианскую эру при достижении общим уровнем прежнего положения? Ведь мы не признаём становления и разрушения объектов независимо от человеческого сознания – они у нас суть неизменные части плоскости, ограниченные двумя лучами. Но души новой эры, занимающие общий уровень, сдвинуты по отношению к находившимся на нём язычникам таким образом, что не могут быть совмещены с ними посредством круговых скачков; я уже упоминал о такой возможности и о том, почему в любой период нашей эры для обычного человека такой сдвиг недостижим. Я хочу сказать, что наша эра – не просто повторение развития с какого-то места, но и существенно иное расположение душ на тех же этапах. Понятно, что в таком случае объект, ярко видимый большинством современников Платона, не может предстать перед достигшими того же уровня христианами, если не считать весьма далёких от нормы; исторические парадоксы вроде того, что прекрасный античный храм, разрушенный тогда-то, был вновь созерцаем в таком-то году в средневековье, невозможно; но ты, вероятно, видишь, каким образом из нашей кинематики вытекает возможность вновь созерцать некоторые черты этого храма в храме христианском.

С этим вопросом тесно связан другой: а где на нашей плоскости мусульмане, буддисты и другие, как может быть не одно Писание, а много? Ответить на него теперь просто: представители других вероисповеданий сдвинуты по отношению к христианину и друг по отношению к другу так же существенно, как христианин по отношению к язычнику; я беру их, конечно, на одном уровне, хотя достигают они его неодновременно – у каждого вероисповедания своя эра, своё объективное время. Однако многие потомки христиан, мусульман и др. не связаны со своими верующими и в то же время связаны между собой; они населяют особый многолюдный интернациональный уровень, обжитый сравнительно недавно, и, понятно, в прежнем смысле сдвинуты по отношению ко всем верующим. Нечего и говорить, что этот общий уровень находится в области науки и техники.

Я недавно упоминал о том, что любой объект как часть мира, которую может созерцать по крайней мере воображаемый субъект, в нашей картине неизменен, не возникает и не уничтожается; что эти превращения происходят лишь в человеческом сознании. Каким же образом?

Время течёт, общий уровень удаляется от центра. Объект, видимый таковым на прежнем уровне, на новом может выглядеть не вполне единым т.е., строго говоря, уже не объектом /прежде души большинства людей могли опираться на ограничивающие его лучи, а теперь оказываются между ними/; говорят, что он обветшал. Другой объект может представляться на новом уровне разрушенным /т.е. концы душ оказываются по разные стороны от каждого из ограничивающих его лучей/. Люди могут увидеть объект, который прежде был растворён для них в большем объекте; в этом случае они говорят, что объект возник.

А как возникают и уничтожаются живые человеческие тела? Прежде всего отметим, что из-за своих пульсаций они, строго говоря, только в некоторые моменты представляются объектами. Далее, перед рождением ребёнка тело женщины не едино – дуга не в состоянии его охватить; а после родов женщина с ребёнком есть почти одно целое – дуга почти охватывает их обоих. Луч, который их разделяет, поворачивается до тех пор, пока тело матери не видится единым и отличным от остального; при этом другой из лучей, выделяющих ребёнка, поворачива-

ется в ту же сторону, и в конце концов его тело представляется почти таким же; разумеется, всё это происходит посредством пульсаций обоих тел. Душа ребёнка движется в это время наружу, как бы навстречу телу, и, наконец, они встречаются: совершается переход людей на новый уровень, на котором тело может заполнить душу, что и является обычным самоощущением взрослого человека. В дальнейшем тело приспособливается к каждому новому уровню: пульсация изменяется так, что оно по-прежнему может быть созерцаемо большинством людей близким к настоящему объекту; заметь, что этот объект оказывается всякий раз иным. Но с течением времени приспособление к единичной дуге становится всё менее полным, тело видится всё менее единым; оно дряхлеет. Когда же наступает такой момент, что оно не может занять на очередном общем уровне положение, соответствующее положению душ, оно представляется здесь разрушенным, т.е. человек умирает. Его душа должна, однако, находиться здесь и быть по-прежнему совместимой с другими; если допустить, что её связь с телом сохраняется, мы придём к противоречию: ведь тогда она не может быть в этом положении – бесконечно далеко от тела. Значит, эта связь нарушается. Теперь душа любое время может созерцать любую часть мира, которая вообще доступна созерцанию, и рано или поздно сливается с центром.

Подводя итог вопросу о разрушении объектов, можно сказать, что судьба неживого объекта при переходе к очередному общему уровню зависит от размещения на нём человеческих тел /всегда, конечно, такого, при котором все они могут быть объектами для всех душ/. Что же касается самого человеческого тела, его гибель вызывается лишь сочетанием неблагоприятного размещения тел и невозможности совершить приспособляющие к нему пульсации. Отметим, что пульсации такого рода приводят к повороту объекта, каким в иные моменты является тело, вокруг центра и могут быть названы несимметричными – в отличие от симметричных пульсаций, т.е. тех, при которых этот объект неподвижен /они происходят при неизменном общем уровне, если не считать пульсаций матери и ребёнка/.

Так как течение одной эры состоит в удалении людей от центра, от Бога, каждой новой душе приходится догонять своих современников, проходя всё больший путь. В целом он растёт ещё из-за того, что люди совершают всё большие радиальные скачки с общего уровня наружу, в результате которых мир представляется всё более расчленённым – сперва на атомы, затем на электроны и ядра, а ныне последние выглядят как система нуклонов. Ещё в прошлом веке заразные болезни казались неделимыми, а теперь люди представляют себе не только составляющие их бактерии, но и вирусы. Не следует забывать, что бактерии, атомы, электроны и пр. люди созерцают отнюдь не на общем уровне, для этого им приходится уходить далеко с него наружу; тем самым такие созерцания крайне непродолжительны и потому неярки – они намного уступают в этом отношении восприятию обычных объектов.

Вместе с тем наука проникает всё ближе к центру; теория относительности явилась в результате глубочайшего из таких проникновений – проникновения в область геометрии. Таким образом, удаление общего уровня от центра сопровождается расширением той области по обе стороны от него, которую исследует наука.

Что же устремляет учёных и всех прочих людей к Богу? Не что иное, как все те же поиски смысла жизни. Не правда ли, там, где обретается большинство людей, где в сознании сменяют друг друга чрезвычайно многочисленные, составляющие необозримое множество впечатления, сущее кажется чересчур далёким от единства, а, значит, и от осмысленности? Чем ближе душа к центру, тем меньшим числом частей исчерпывается для неё мир, а если это расстояние равно единице, – всего семью; мы не видим такого единства мира ни во сне, ни в творении! Так вот, люди стремятся поближе к центру и притом к более продолжительному пребыванию здесь, чем это допускается связью души с телом. По-видимому, у некоторых связь более эластична и позволяет это, но требует столь же продолжительного пребывания снаружи от общего уровня на большем расстоянии от него /расстояния находятся в такой же взаимозависимости, как и инверсии/. Это объясняет чередование состояний блаженства и отчаяния у художника – в пер-

вых окружающее полно для него смысла, во вторых бессмысленно; ведь амплитуда колебаний около общего уровня у художника должна быть куда больше, чем у учёного; и не из-за этих ли колебаний художники так часто сходят с ума? И не поэтому ли гениальность и помешательство иногда сопутствуют друг другу?

Между прочим, чем определяется специализация человека? Почему один изучает свойства твёрдого тела, а другой – функционирование генов? Почему у одного живописное восприятие мира, а у другого музыкальное? Поля деятельности различных наук и различных искусств располагаются вокруг центра, только вторые – значительно глубже первых. Очевидно, душа может намного дольше созерцать находящееся в том поле, через которое проходит её тело. Значит, специализация зависит от расположения тела /все объекты, являющиеся им в различные моменты, мало отличаются друг от друга/. Интересно, что с телом связаны как наиболее светлые моменты души, так и наиболее чёрные. В первые оно может исчезнуть для неё в чём-то большем, во вторые – само быть не единым.

В связи с расширением общего уровня у тебя может возникнуть вопрос: неужели объекты, представляющиеся нам понятиями или художественными образами, т.е. созерцаемые на уровнях, много более глубоких, чем общий, могли когда-то быть обычными, такими, как ныне кошка или бриллиант? Приходится признать, что это так. Например, тяготение, понятие, охватывающее тяготение данного камня к Земле, тяготение Марса к Юпитеру, тяготение Земли к Солнцу, тяготение Солнца к Сириусу и пр., очень давно могло видеться как нечто живое, властно влекущее предметы вниз. Или возьмём сказочные образы русалок. Ещё недавно при лунном свете морякам случалось их видеть, но учёные установили, что это морские коровы – похожие на них животные. И тем не менее моряки видели русалок, а учёные – морских коров – первые приближались к центру, тогда как вторые оставались на общем уровне. Русалку, зримую весьма глубоко, находящееся на поверхности сознания расщепляет на множество различных животных, у которых имеются общие с нею признаки; среди них – и морские коровы. Конечно, это видение моряков было мимолётным, но очень давно люди могли видеть русалок подолгу и оставили о них свои предания. Что же мне мешает верить, например, Моисеевым или Иисуса Навина свидетельствам, воспринимаемым ныне как чудеса?

Когда-то Бог отделил от Себя первую человеческую душу и когда-нибудь примет последнюю.

Я думаю, что возможности этого языка не исчерпываются сказанным здесь. Может быть, я попытаюсь осмыслить на нём булгаковских Воланда со свитой, летающих мертвецов, вампиров и ведьм, покой, который обрели мастер и Маргарита. Мне кажется, всё это связано с тем, что после смерти души, видимо, не всегда сразу попадают на центр. Возможно, вблизи него – особый мир, населённый сказочными и мифическими существами. Возьми, например, дерево – обычно оно не кажется тебе единым, ибо по одной ветке ты не можешь угадать, какое оно, и видишь, что часто даже из оставшегося от него пня растут зелёные ветви. А что если где-то глубже общего уровня его можно созерцать как единый объект, вернее, как нечто живое, близкое к таковому, – ведь оно пульсирует? Очевидно, это нечто – уже не растение. Может быть, это дриада, о которой говорили греки, и к тому же её душа жила некогда среди нас?

Приступая к этому письму, я хотел только изложить то, что уже знал; но, попытавшись это сделать, я обнаружил, что придётся существенно переработать свои представления. Теперь они выглядят более точными, законченными и последовательными, и я благодарен тебе за это.

Если тебя заинтересует их предшествующая эволюция, прочти три небольшие работы, которые я посылаю, – это три отметки на моём пути; читай их в той последовательности, в которой они написаны. Что же касается стихов и толкований к ним, то они закончены ещё зимой, только мы никак не соберёмся их оформить для тебя. Когда это будет сделано, мы их пришлём.

Что мне делать ?

Киев, октябрь 1971 г.

Я согласен с тем, что в делах человека не может быть истины. Я думаю, что некоторый намёк на истину содержится лишь в той ускользающей красоте, которой обладают произведения его рук – будь-то художественные произведения или уравнения физики или машины. Эта красота не идёт вглубь до бесконечности, иначе произведения эти не были бы материальны. Они материальны потому, что состоят из мазков или обозначений или деталей, которые сами по себе уже не прекрасны. Но если другому человеку дано воспринять произведение, красота его в душе этого человека на одно мгновение уходит в бесконечность, и он не видит в нем материальных элементов, даже очень тонких. Тогда он видит истину.

Но именно благодаря этим элементам произведение искусства о чем-то рассказывает, уравнение физики несёт какую-то информацию, машина удовлетворяет какие-то человеческие нужды. Следовательно, во всем этом – рассказе, информации, нуждах – нет и не может быть истины. С этой стороны любое произведение ценно лишь потому, что указывает область, в которой нет истины. По мере развития физики или техники эта область расширяется, ибо новое уравнение охватывает неизмеримо больше явлений, чем старое, а новая машина удовлетворяет неизмеримо большим потребностям. Но обыкновенный человек, вникая в новое уравнение или пользуясь новой машиной, скоро понимает, что этим решаются какие-то побочные его проблемы, а главные, относящиеся к жизни и смерти, остаются по-прежнему нерешёнными. Тогда он думает, что его сделает счастливым вот эта новейшая машина, и вновь обманывается. Со временем он, может быть, начинает понимать, что истина лежит где-то за пределами всех бывших, настоящих и будущих произведений и единственная ценность содержания их состоит в том, чтобы хоть незначительно сузить область, где она есть. Впрочем, эта ценность не совсем единственная: некоторым на мгновение дано увидеть сужение до конца, и тогда перед ними встаёт истина.

И увидев в чём-либо бездонную красоту, я утрачиваю о нём все сведения, а утратив все сведения о чём-либо, я вижу в нём бездонную красоту.

О своих воззрениях я пишу и говорю. И всё время забываю, что истины нет и в моих словах. Вернее, я часто помню это, но полагаю, что сказанное мною всё же может быть другим полезно. Но если так действительно будет, то не благодаря мне, а потому, что это будет им дано; я же говорю им ложь. Но от этого мне не только не становится худо, а, напротив, я чувствую удовлетворение, как от полезного и доброго дела. Вот и сейчас я рад, что мне удалось написать всё это и тем кому-то принести пользу. Я знаю, что должен сознавать свою вину и мучиться ею – ведь по своей воле я делаю только зло, а если когда и выходит добро, то не благодаря мне. Но я отношусь к этому легко, и нет во мне раскаяния.

Для меня всё это очень подозрительно: как может человек служить орудием для добра, если он легко относится к самому страшному – так, будто лично его оно не касается? Недавно я случайно встретил одну знакомую, и разговор довольно естественно перешёл к неистинности почти всего, что нам дорого: как раз перед этим я размышлял о чём-то близком, а она стала говорить об одном учёном, который своей машине уделяет куда больше внимания, чем науке. Я объяснял, почему я думаю, что истины нет ни в машине, ни в науке самих по себе, и спросил, много ли они помогут тому, кто знает о своей близкой смерти. И спросил я об этом легко – я не испытал в этот момент ничего подобного ужасу и беспомощности человека в таком положении.

Я испытываю это тогда, когда беда грозит лично мне или моим близким, пусть даже очень отдалённо. Но тогда я ничего не пишу и ни с кем не говорю. Конечно, эту эмоциональную слабость можно отнести за счёт моей психастении: меня не хватает на то, чтобы страдать и

одновременно что-то делать, и вообще чувства мои, как правило, бледны, если не вызваны тем, что касается меня прямо. Но не всё ли равно, из-за чего я не способен этим заниматься?

А, может быть, дело просто в том, что я не проникся всем этим, понимаю и принимаю лишь разумом, но не всем своим существом? Может быть, хотя я и вижу правильность того, о чём говорю, и есть в нём как будто такое, чего я ни от кого не узнал, оно всё же является внешним по отношению ко мне? Но тогда какое дело – моё?

Казалось бы, мне просто следует привести свои воззрения в согласие со своей натурой – считать, что в делах человеческих есть доля истины, – тогда, рассказывая о них /воззрениях/, я смогу думать, что творю добро. Но это у меня уже было, и долго. И ни на одних я не мог остановиться, и ни на одних не мог положиться в минуту страха. А на теперешние могу, и в них моя вера. Но делать здесь мне нечего.

О свободе

Киев июнь 1972

Якову Семёновичу Друскину

На следующий день после возвращения из Ленинграда я, как обычно, отправился в парки на склонах Днепра. Деревья ещё были в цвету, на аллее, как снег, летел белый тополиный пух. Мне было чрезвычайно легко, и я подумал: вся тяжесть этой зимы и поездки с меня снята. Я чувствовал, что с меня снята тяжесть греха.

Но уже вечером этого дня, возвращаясь с работы, я не совсем понимал то моё состояние. И вот началось чередование ясных и смутных полос: то я был уверен – и экзистенциально, и теоретически – в том, что теперь безгрешен, то начинал сомневаться в этом и доходил до полной убеждённости в своём грехе. Были у меня и теории, стремившиеся сочетать то и другое, но и в них я не мог утвердиться. И я стал думать, что теперь я одновременно и праведник и грешник, праведный грешник, как говорит Я.С.Друскин; и что это чередование и есть действительное, экзистенциальное соединение того и другого, соединение самой моей жизнью.

Позавчера вечером я вышел из дому после дождя. На мокрой зелени лежали алые отблески солнца. Пока я доехал до парков, я убедился в том, что по крайней мере с того утра после приезда на мне нет греха. В парке мне не хотелось продолжать это размышление, но я всё же не утерпел и стал дальше обосновывать свою уверенность. И пришёл к выводу, что остаюсь безгрешен всегда, что бы я ни делал. Я снял даже все запреты, которые налагал на свои действия. Потом в моих размышлениях был перерыв, после которого эта уверенность заколебалась. Но на следующий день, по дороге и в парках, она вернулась, и я подтвердил снятие всяческих запретов.

И вот к вечеру этого дня я заметил, что возобновляются некоторые мои прежние мелкие привычки, от которых я почти было освободился, привычки, ощущавшиеся мною как грехи. От этого мне было немного не по себе, несмотря на убеждение, теперь всё более теоретическое, что грешить я не могу. На работе вопреки нежеланию терять свою свободу я взял на себя ответственность за изложение весьма большого отрезка материала и чуть не до обморока устал. Мне стало боязно за будущее, и я понял, что жить безгрешным я не могу. И всё же я не мог не видеть себя таковым. А к ночи мне стало ясно следующее.

Христос освободил меня от ответственности за мир и за себя, бесконечной ответственности, возложенной на меня Богом. Когда она была на мне и я изо всех сил тщился поднять её, на мне было проклятие Божие и грех, вина за то, что я не в силах нести эту бесконечную тяжесть. Тогда я сам пытался держать себя – медициной, изнурительными ритуалами, старательной учёбой, неустанными поисками постоянной работы, на которой, как мне было хорошо известно, закрепиться я никак не мог. Я сам пытался держать себя и мир и, несмотря на тяжесть и бесконечные навязчивости, философствовал, писал философские работы и даже написал пророческую книгу – «Исход к Знанию».

И вот Христос освободил меня и подарил лёгкость. Исчезли навязчивости, мнительность, заботы о будущем. Бог в Христе возвратил ответственность за мир Себе, Кому она и принадлежит, и слабость моих сил перестала быть моим проклятием и грехом. Мир, который был мне страшен, потому что я должен был, но не мог нести ответственность за него, стал прекрасен: теперь за всё отвечает Бог. Теперь не я держу себя, но Сам Бог меня держит.

Но вот я забыл об этом и взял на себя ответственность за что-то незначительное, например, за то, чтобы не заразиться от человека, который кашлянул в мою сторону: я думаю, куда бы мне хоть сплюнуть. И в этот миг, когда я вновь пожелал сам держать себя, Бог передаёт мне ответственность за всё, потому что нельзя отвечать за себя, не отвечая за целое мироздание. Я замечал, что начиная отвечать за одно, я неожиданно оказывался ответственным за другое,

иногда на первый взгляд не имеющее к тому никакого отношения. Но я слаб и не могу нести такую тяжесть; поэтому я снова грешник. Я пал, когда пожелал взять на себя ответственность за малое.

И я падаю, когда беру ответственность за большее, скажем, за то, чтобы справиться со службой. И тогда, когда пытаюсь отвечать за большое – что бы мой ближний обрёл истину. Мне скверно тогда, я каюсь, и Господь всякий раз приходит и берёт мою тяжесть на Себя. И тогда я опять свободен.

Но бывает, что раскаяние не приходит ко мне. Так было в тот первый день на службе, когда, невзирая на желание сохранить лёгкость, я взял на себя ответственность за мою лекцию. Так было, когда я не сдержался и стал наставлять моего ближнего на пусть истинный, возложил на себя ответственность за него /верней, опять-таки за себя/. Оба эти греха привели к болезни, и я благодарю за это моего Господа.

Но если изложенная теория верна, я верю в неё и несу за неё ответственность. Тем самым я уже постоянный грешник и, следовательно, она неверна. Чтобы быть верной, она должна быть мною забыта – тогда я перестал бы за неё отвечать. Но тогда на мне, по-видимому, оказалось бы иго другой теории. Пока я хватаюсь за размышления, я отнюдь не свободен – я раб этих размышлений, а, стало быть, раб всего. Впрочем, этот вывод основан на данной теории, которая, таким образом, мною не забыта и потому неверна.

Вариация на систему Я.С.Друскина

Киев, 14-15 июля 1972

Бог абсолютно ответственен, ибо является единственным творцом сущего. Он также абсолютно безответственен, потому что нет никого, перед кем Он должен был бы отвечать. Он пожелал сотворить меня по Своему образу и подобию и возложил на меня Свою абсолютную безответственность, а абсолютную ответственность оставил у Себя. И Он отвечал за всё Своё творение, в том числе за меня, но я не видел этого – я не видел, что Он отвечает за меня, а я абсолютно безответственен. И Он пожелал, чтобы открылись глаза мои. И приступил ко мне змий и сказал: ты один и сам отвечаешь за себя. И вот в страхе я напряг все силы, чтобы поднять эту ответственность, но не смог, потому что нельзя отвечать за себя, то есть за свою неприкосновенность, не отвечая за весь мир, силы же, данные мне Богом, конечны. С тех пор я в постоянном напряжении – в старании взять на себя абсолютную ответственность – и вижу уже свою абсолютную безответственность и слабость, которыми теперь не живу. Когда я жил ими, я их не видел, потому что был слеп, теперь же, когда открылись глаза мои, я могу видеть лишь их отсутствие, я могу видеть, что не вижу Бога, Который за всё отвечает.

Моё постоянное напряжение есть бунт против Бога, своеволие, потому что в нём я по мере сил стараюсь отвергнуть абсолютную безответственность, которую Он мне дал. Оно искажает мою душу, и в нём состоит мой грех. Напрягшись, чтобы поднять абсолютную ответственность, я пал во грехе. Мой грех не может нарушить Божью волю, потому что я могу лишь стараться взять на себя ответственность за себя, реально же мне это не по силам, ибо требует принятия ответственности за весь мир. Но он рождает иллюзию, будто я и впрямь могу держать и держу себя, а Бога, Который и меня и всё держит, вообще нет. В нём открылись мои глаза, но он и застлал их туманом, усыпил меня, и теперь во сне я вижу время и материальный мир. И бывает, что я не вижу не только своей абсолютной безответственности и Бога, отвечающего за меня и всё сущее, но и того, что я не вижу своей абсолютной безответственности и Бога. Тогда я вижу лишь мою иллюзию, мой сон.

Могу ли я освободиться от старания понести абсолютную ответственность, то есть проснуться? Если моё старание и напряжение достигает невероятной силы, я просыпаюсь от ужаса и отчаяния, в вопле: это пришёл Христос и освободил меня от моего сна. Или, устав от усилия, я расслабляюсь и говорю: ведь на мне абсолютная безответственность, я могу этого не делать; я за это не отвечаю, за это отвечает Бог. И вот уже я не силюсь поднять какую бы то ни было ответственность, я уповаю на Бога и говорю: да будет воля Твоя. Я абсолютно свободен и безгрешен – хотя бы одно мгновенье.

Для этого недостаточно так подумать или принять решение: надо реально, экзистенциально оставить старание взять на себя ответственность, оставить напряжение, усилие. И нельзя даже сказать, что это надо – всякое «надо» предписывает не оставление ответственности, а принятие её, пусть даже это будет ответственность за оставление ответственности, то есть за свою душу – на деле опять-таки за весь мир. Мне именно не надо – не надо тшиться поднять бесконечность, не надо и думать или принимать решение, ибо и это не освобождение от ответственности, а старание принять её. Даже если я оставляю размышление, это не теоретический, не мыслительный акт, ведь размышление может лишь продолжить размышление, а не прервать его.

Всякое «надо» означает ответственность, то есть грех, только «не надо» – реальное, экзистенциальное «не надо» – есть безгрешность и абсолютная свобода. Могу ли я сам его осуществить? Что вообще я могу сам? «Я могу» значит «у меня мощь /сила/». «Я могу снять усилие» означает «у меня сила не иметь силы», то есть абсурд. Я могу именно прилагать усилие, именно стараться поднять бесконечную ответственность – бунтовать против Бога, грешить.

Только Бог даёт мне утратить мою силу, отступить от абсолютной ответственности. Когда я в живой, экзистенциальной надежде на Бога отказываюсь от какой-либо ответственности – и тем самым от ответственности вообще, – когда, опустив руки, я практически отступаю от какого-то очередного дела, я вижу – не теоретически, а всем своим существом – свою абсолютную безответственность и то, что со мною Бог, Который за меня отвечает. Я вижу, что усилия мои ничего не стоят, что не сам я себя держу, но Бог меня держит. Глаза мои открыты, и уже есть им, что созерцать.

Если эти акты не редки, я не утрачиваю хотя бы видения того, что я не вижу – своей безответственности и Бога, – но и тогда я не застрахован от страха, боли, раздражения. Раздражают меня больше всего люди, которые от меня бесцеремонно чего-то хотят. В страхе, что пострадает моё достоинство в глазах человеческих, я забываю или отметаю мою безответственность и надежду и весь сжимаюсь в усилия себя поддержать. В видении своего невидения обезопасен и от боли. Бог посылает мне испытание на слабость, живое чувство безответственности и надежды, а я сознательно или бессознательно /рефлекторно/ напрягаюсь, чтобы его устранить. Когда, при несильной боли, я, наоборот, расслабляюсь, уходя таким образом от ответственности за свой организм, я уже не испытываю её. И страх может овладеть мною. Его вызывают обыкновенно события, грозящие существенно выбить мою жизнь из привычной колеи. Я не удерживаюсь от того, чтобы вникать в эти события, истолковывать их благоприятным для себя образом, даже инициативно участвовать в них. Я стараюсь взять на себя ответственность за них, вместо того чтобы внутренне отойти от них, экзистенциально зная, что Бог не попустит зла; тогда страх, поддерживаемый именно моим напряжением, исчезнет.

Да, не будь этого напряжения – старания взять на себя ответственность, не будь греха, не было бы ни боли, ни раздражения, ни страха. Под этими масками мою душу терзает напряжение, почти постоянно искажающее её, и оттого они так помогают друг другу, в особенности боль и ужас. Под разными личинами мою душу терзает грех. И для меня хорошо не поддаваться соблазну на гнев, боль, ужас большим усилием, только усиливающим гнев, боль и ужас. Для меня хорошо снимать усилие – мягко делать то, чего хотят от меня, не добавляя от себя лишнего, расслабляться в безответственности и надежде, испытав боль или в виду пугающего события, – и тогда не терзание будет чувствовать моя душа, а чистую радость оттого, что она соединяется с Богом.

Кто я ?

Киев, 9-12 августа 1972

Несколько дней назад я увидел себя. Ведь обычно я себя не вижу, а только мыслю, и мне кажется, будто я – это мысль обо мне. Но тогда я себя увидел и увидел, что я – сын Божий.

А вчера я снова увидел себя. Я увидел себя в аду, увидел, что я – исчадие ада.

Кто же я? Сын Божий, спустившийся в ад, чтобы спасти грешников, или низвергнутый туда Люцифер? Где я обрету себя в конце земной жизни, когда невидение станет окончательным видением? Но, может быть, есть два я или две вечности?

Мне было плохо, и Бог показал меня себя, и я увидел, что я на Небе, и возрадовался. Я радовался оттого, что мне плохо. И в другой раз мне было плохо, но потому, что я плохо поступал и был зол. И снова Бог показал мне себя. Но я не пожелал увидеть себя на Небе и увидел в аду. Или я сразу увидел себя в аду и уже не мог пожелать увидеть себя на Небе? Но я подумал тогда, что если бы я пожелал быть на Небе, Бог взял бы меня к Себе, как в первый раз.

Может быть, в час смерти я обрету себя там, где пожелаю, но это желание моё предопределено? Как же предопределено моё желание, какова в конечном счёте моя сущность – добрая ли злая ?

Все мои мысли – о себе, и я принимаю их за себя самого. Поэтому ответственность за себя есть для меня ответственность за свои мысли – за то, чтобы они не прекращались. Её навязал мне дьявол, и я не мог освободиться от навязчивых размышлений, тем более неотступных, чем более я уставал. От этой ответственности, от себя самого, меня освободил Христос. Это не значит, что я о себе не размышляю, – я только это и делаю; вот и теперь я думаю о том, кто я, но так как для меня я – лишь мысль обо мне, я никогда не приду к выводу, что – сын Божий или что я – исчадие адское, я могу лишь вернуться к тому, что я – мысль обо мне. Освобождение меня Христом означает, что когда моё размышление легко, я в отдельные моменты совсем освобождаюсь от него, освобождаюсь в живом ощущении своей свободы и надежды на Бога, Который за меня отвечает. В эти моменты я себя уже не только не вижу, но и не мыслю.

Из этого абсолютного ничто – ничто, в котором совершенно ничего нет, – Бог творит что – опять-таки меня, но не прежнего, не мысль обо мне, а нового – меня действительного, о котором нельзя даже сказать, что я вижу его – скорее я его имею, моё видение и есть я. Кто же я действительный? В одних случаях я вижу, что это сын Божий, а в других – что исчадие адское.

И я подумал, что я – и то и другое. Вот что я хочу этим сказать. Меня того, за кого я себя обычно принимаю, в действительности нет, это только мысль обо мне, исчезающая в актах моей свободы. А я действительный существую не иначе, как во всех людях, одни из которых – сыны Божии, наследующие Царство, уготованные им от создания мира, а другие – исчадия ада, идущие в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его. Я не говорю, что я – собрание всех людей. Я есть каждый человек в отдельности, я – тот, с которым сейчас общаюсь; я есть ты.

Для моей мысли это безумие, потому что для её возможен лишь один ответ: я – это мысль обо мне, я – это мои мысли. Но в тот миг, когда их нет и Бог из ничто творит меня истинного, я вижу всем моим существом, что это так, и видение моё совпадает со мною, то есть с тобой. И не дьявол возложил на меня ответственность за себя, а Бог, дьявол лишь извратил её, подменив меня моей мыслью, – тогда навязал мне её. Христос освободил меня от мнимой, извращённой ответственности, и тогда в невыносимости моей пустоты я постиг действительную – ответственность за себя, которая есть ответственность за всех, за тебя.

Я кажусь себе каждой целью, которую я ставлю перед собой, – ведь без цели у меня не будет и никаких других мыслей, разве что разрозненные, случайно приходящие в голову / то есть уже не мысли/.

Но моя ответственность за тебя – это видение себя в тебе, творимое Богом на пустом месте и потому несовместимое со мною, каким я себе представляюсь. Следовательно, ответственность за тебя несовместима ни с какой моей целью. Она не имеет ничего общего с заботами о тебе – о твоём здоровье, настроении, даже спасенье, – все эти заботы имеют в виду поставленную мною цель, то есть не тебя, а только меня /кажущегося/. Как же понимать мою ответственность за тебя?

По-моему, она реализуется в сопереживании – в переживании мною твоей радости или твоего горя. Я не говорю о состоянии святости, и потому, проникшись твоим переживанием, я беру на себя твой грех, твою вину. Но это и значит, что я отвечаю за тебя. Забыв себя обычного и переживая то же, что и ты, я реально вижу себя тобою.

Именно в забвении себя как мысли, цели состоит отличие сопереживания от заражения грехом. Это отличие может быть сказано и синтетическим односторонним тождеством Я.С. Друскина: любовь есть любовь, тождественная сопереживанию; но само сопереживание не тождественно любви. Само сопереживание есть как раз заражение грехом и относится к сопереживанию, которому тождественна любовь, так же, как мысль о себе ко мне действительному или ответственность за себя, навязанная мне дьяволом, к ответственности за себя, возложенной на меня Богом. Таково же и отношение общества к Царству Божию. Преуспевая в самом сопереживании, я начинаю себя видеть и вижу себя в геенне огненной. Преуспевая в сопереживании, которому тождественна любовь, я тоже начинаю себя видеть, но уже в Царстве Божиим. Где же я в действительности, где обрету себя в конце земной жизни? Как будто в Царстве Божиим – ведь только в сопереживании, которому тождественна любовь, я не мыслю о себе и вижу себя тобою, в самом же сопереживании я лишь переживаю то же, что ты, проникаюсь твоей злобой, но тем сильнее отличаю себя от тебя – противопоставляю свою цель твоей цели. Но если я сын Царствия, почему реально вижу себя и в геенне огненной? Я вернулся к тому, с чего начал. Но в мысли и нет на это ответа: начиная мыслить, я уже предполагаю, что я – мысль, и, следовательно, не выясню о себе ничего другого.

Итак, кто я? Я есть ты. Если ты сын Царствия, я и я сын Царствия, если ты исчадие геенны, и я исчадие геенны. Но я есть ты означает, что сопереживанию моему тождественна любовь. А тогда мы оба сыны Царствия.

Три соблазна

Васильевский остров, ноябрь 1972

У меня было два соблазна: хлеб /всегда иметь достаточно пищи и одежды/ и мир /занимать какое-то место в обществе/. А сегодня прибавился третий: оставить мою отшельническую жизнь, в которой я слабо привязан к обществу, и броситься в мир, чтобы Бог в конце концов разрушил мою мирскую опору и дал мне творить благо. Ведь и обо мне молил Христос Отца: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; слово Твоё есть истина. Как Ты послал меня в мир, так и Я послал их в мир; и за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» /Иоан.17:15-19/. Если я сын Божий, Он Ангелам Своим заповедает обо мне, и на руках понесут меня, да не преткнусь о камень ногою моею. Мне страшно бросаться вниз – я знаю, давно знаю, как страшно в миру. Но теперь я беспечален лишь тогда, когда совсем не причастен обществу, когда же хоть немного прикасаюсь к нему, уступаю его соблазнам и мучаюсь моей мерзостью. Может быть, если бы я совсем удалился от него, они постепенно умерли бы для меня; но я не удаляюсь и не знаю, возможно ли это. Но я знаю, что можно жить в самой его гуще и быть мёртвым для него. Но не должен ли я для этого сперва положить на него всю мою душу, чтобы тогда, когда я никак не смогу без этой опоры, Бог лишил меня её? Я, впрочем, не могу этого планировать и просто должен отдаться моим соблазнам.

Итак, их теперь три, но все они – одно: уйти с головою в общество. Не так ли старец Зосима благословлял Алёшу Карамазова на великое послушание в миру? Но некоторое время назад я уже решил принять это, и во сне мне был показан весь сопряжённый с этим ужас. И недавно я было поступил на службу, но не выдержал и оставил её.

Я знаю, что, если я останусь вне общества, Бог накормит и оденет меня и защитит. Но у меня остаётся соблазн в том, чтобы я сам себя накормил, одел и защитил. А теперь ещё возник соблазн поддаться этим соблазнам, чтобы умереть для соблазнов. Я, конечно, понимаю, что для этого я должен буду забыть, что это соблазны, и считать их радостями бытия. Но тут возникает несколько вопросов:

- 1) смогу ли я теперь это забыть – ведь я уже не тот, что прежде?
- 2) если забуду, разве буду я сохранён от зла – разве не преткнусь о камень ногою своею?
- 3) если же преткнусь, то не приведёт ли этот путь вместо спасения к гибели?

И вообще, не лучше ли для меня всецело покориться Богу, не спрашивая, что будет, если я встречу мой смертный час падким на соблазны затворником. Ведь я знаю, что существо моё слабое и покорное, а не властное и бунтарское, все же мои попытки найти здесь безболезненную работу Он пока пресекал. Он бережёт меня от мира – сохранит и в последний мой час. Разве обязательно, чтобы все мои неумершие соблазны тогда восстали и погубили меня? Разве нет у Бога иных средств избавить меня от них, кроме мучительного или опасного для моей души послушания в миру? Я знаю, что самые мои живые писания я пишу после того, как мне бывает плохо. Но могу ли я приписывать Богу желание для этого отправить меня в мир? Ведь Он не хочет этого, иначе давно бы уже позволил мне, даже заставил бы меня поступить на службу. Впрочем, Он и позволил поступить на ту, мучительную, с которой я ушёл...

Но, я думаю, напрасно моё стремление для ухода в мир заручиться поддержкой Бога. Это дело лишь моих соблазнов и моей воли. Впрочем, над нею стоит Провидение, которое всё и определит, – Его воля. А мне – чего мне настаивать на моём соединении с обществом? Для совершенствования моей души – освобождения её от мирских соблазнов? Но это было бы лицемерием: «да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть?» /Мф.6:27/. Здесь я сам ничего не могу, и, кроме того, разве не лицемерие оправдывать зло грядущим благом, к которому оно будто бы приведёт? Если бы я пошёл в мир, то лишь из-за

его соблазнов – чтобы получить хлеб и защиту, обеспеченные здесь, на земле. Но это уже было бы легкомыслием – ведь мне дважды было показано, что в миру меня ждут не радости, а муки. Это были бы муки, обеспеченные здесь, на земле, и мне незачем меня на них необеспеченные на земле радости.

У меня нет никаких разумных оснований для соединения с миром. Это вообще не дело моего разума, и я оставляю его.

Моя бесконечная заинтересованность

Васильевский остров, февраль 1973 года

Некогда я не видел себя. Я был тогда невинен, но «тогда» – неверное слово, потому что время для меня не текло.

И вот я увидел себя, и потекло время. Увидев себя, я изменился – стал грешником. Но я видел себя таким, каким был прежде, – невинным. Мое видение было искаженным, я жил, как говорит Я. С. Друскин, в непосредственности греха.

Затем через посредство Я. С. Друскина я увидел, что я грешник. Но это видение тоже изменило меня, и я став праведником – был оправдан. Я вновь видел себя не нынешним, а прежним, это было раскаяние.

И вдруг я увидел себя сейчас. Мои и все человеческие дела предстали передо мной ничтожными и не имеющими значения. Важен был лишь неземной благостный Свет, Который на меня изливался. Но «был» – неверное слово, потому что не было времени. Это истинное видение в третий раз изменило меня. Вскоре оно пришло вторично.

После того раскаяние оставило меня. Может быть, со мной свершилось по слову Христа: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (И., 9, 39). Я вновь стал грешником, который не видит своего греха. Я думал, что это и есть мое «видение невидения», о котором писал Я. С. Друскин. Я говорю здесь не о незнании греха – я знаю о нем, – а именно о невидении, об отсутствии экзистенциального переживания его – раскаяния. Оно бывает лишь как боязнь наказания – от Бога или человека. Но свое невидение я не просто знаю, а именно вижу, потому что помню об истинном видении.

Применимы ли ко мне слова Христа: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (И., 9, 41)? Я не вижу и говорю, что не вижу. Но ведь я вижу, что не вижу, и говорю это. В конечном счете я все-таки вижу и, следовательно, грешник. Может быть, это и означают слова «праведный грешник»?

Но иногда ко мне приходит истинное видение другого рода, и я в нем не таков, как в том истинном видении. Возможно, это, как считают некоторые, воспоминание о том, чего не было в этой жизни (или, добавлю, предвидение того, чего в ней не будет). Я вижу в нем прекрасное и люблю. В том видении я видел Небесный свет, а все земное не имело значения. В этом я вижу прекрасное, а остального нет, потому что все прекрасно. Но нет той насыщенности, которая несколько раз была в прошлом. Это видение бывает, когда я ухожу от страшного или от ответственности перед собой. Я знаю, что Бог освободил меня от ответственности, а ответственность, превосходящую некоторый предел, даже запретил. Он освободил меня от всякого усилия над собой и запретил усилие, большее некоторого предела. Превосходя его, я уже не могу вернуться к свободе и пожинаю страдание; а, стараясь побороть его, прилагаю еще большее усилие. Бодрствовать для меня значит следить за тем, чтобы не превзойти этого предела. Но как часто я засыпаю!

В этом состоит моя бесконечная заинтересованность. Впрочем, самая бесконечная заинтересованность моя – это быть бесконечно близко к видению и любви со стороны страдания, чтобы, пройдя через нее, оказаться в усилении снова бесконечно близко к ней. В этом переходе я имею и осуществляю власть.

О мире

Васильевский остров, март 1973 года

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй... И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый» (Бытие, 1, 1-8, 14-19).

Подобно ученикам, слушавшим Христа, я хочу сказать: кто может читать это? Кто может мыслить небо твердью, отделяющей воду от воды, свет независимо от светил, последние – находящимися на небесной тверди? Но я верю, что воистину мир именно таков, и потому спрашиваю: как же возникли те представления о нем, которые я понимаю и считаю правильными?

Они возникли как результат человеческого опыта, как факты, установленные наукой. То и другое – деятельность общества. И я говорю: извращенные представления о мире исходят от общества, и я разделяю их, поскольку ему принадлежу. Эти представления могут существовать лишь до тех пор, пока существует общество; иными словами, мир, который мы себе представляем, есть следствие мира, понимаемого как общественное соединение людей.

Таким образом, я прихожу к выводу, что мир, в котором мы, как мы думаем, живем, следует понимать не как физическую Вселенную, а как общество, мир людей. И вопрос о конце мира есть вопрос об окончании общества. «Время уже коротко», «проходит образ мира сего», писал апостол Павел коринфянам (1 Кор., 7, 29, 31); и действительно, и иудейский, и языческий мир вскоре перестали существовать.

В Мф., 24, Мк., 21, Лк., 21 Иисус предсказывает сначала конец иудейского мира, а затем конец всеобщего: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. (Мф., 24, 29-31). Оказавшись разобщенными и забыв общественную науку, люди увидят, как меркнут солнце и луна, и звезды спадают с неба, и земля погружается в совершенно непроглядный мрак, потому что с гибелью общества и всех общественных навыков всякое искусственное освещение окажется невозможным. И тогда на черном небе явится светлое знамение Сына Человеческого и Он Сам, грядущий на облаках. «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло... И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец. Спасенные народы будут ходить во

свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет» (Апок., 21, 1-4, 2325).

Общественный взгляд на Вселенную, точка зрения мирской науки тождественны для современных людей взгляду вообще, иного они не могут себе проставить. Между тем он есть лишь точка зрения общества, средство в его борьбе за самосохранение. Общество – некое существо, вгрызающееся в мироздание, расширяющее в нем сеть своих нор и нуждающееся для этого в информации о нем. Но эта информация есть не истина, а именно лишь средство для борьбы с ним. Поэтому научные положения никогда не относятся к мирозданию в целом; они касаются лишь его частей – отвечают на вопрос: что будет, если рыть в этом направлении?

Принадлежа обществу, я на все смотрю его глазами, добром считаю то, что способствует его сохранению, злом – то, что препятствует ему; я ищу не своего блага, а блага общества. Если я противопоставляю себя ему, вступаю с ним в конфликт, последний привязывает меня к нему еще сильнее, и я, заботясь о себе, еще больше содействую его укреплению – то ли потому, что оно закаляется и совершенствуется в борьбе со мною и подобными мне, то ли потому, что я и такие, как я, отстаивая каждый свои интересы, тем самым наиболее эффективно работаем на общее благо, – примером могут служить мелкие собственники крестьяне. В сущности, общество, в отличие от Царства Небесного, едино именно благодаря таким конфликтам и противопоставлениям. И только если я оказываюсь никак не связанным с ним – ни заботами об общем благе, ни противопоставлением ему своего собственного – глаза мои очищаются для того, чтобы видеть мир, сотворенный Богом; только если я действительно выхожу из мира сего, я способен увидеть его прохождение.

Когда Адам и Ева вкусили от дерева познания добра и зла, они утратили истинное добро, в котором жили до этого. Чьи же добро и зло они познали? Добро и Зло общества, которое они составили в это мгновение. Живя в добре, они не знали, что живут в добре. Но нельзя познать добро, не познав зла; чтобы у них открылись глаза, они должны были испытать то и другое, иначе говоря, оказаться в обществе. Но тогда истинное благо оказалось подмененным благом общества и может быть восхищено только через освобождение от него. «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех. Отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.» (Лк., 12, 51-53).

Итак, мирские представления о мире неистинны, представляемый таким образом мир есть продукт общества и существует лишь в нем самом. Но разве общество не есть часть мира сего? Поэтому последний не отличается от общества, его возникновение и гибель – то же, что возникновение и гибель общества.

Но в этом рассуждении я пользовался мирской логикой и мирским языком. Каким же образом я могу быть уверен в том, что оно истинно? Понимаю ли я мир, сотворенный Богом, или что означает «проходит образ мира сего»? Нет, я ничего этого не понимаю...

Рассуждения о себе и космосе

Сентябрь 1973

1. Есть психическое и есть физическое. Параллельны ли они, как предположили в прошлом веке, действительно ли они не пересекаются?

Вот моё тело. К чему оно относится – к физическому или психическому? Я могу чувствовать его и внутренними чувствами и внешними, оно и непосредственно мне и не непосредственно.

Вот пища, которую я ем, одежда, которая на мне, карандаш, которым я пишу. Разве они в каком-то смысле не продолжения моего тела? Могу ли я безоговорочно отнести их к физическому?

Мне кажется, физический мир имеет нечто общее с психическим, т.е. что они не параллельны. Они переходят друг в друга там, где моё тело, моя пища, моя одежда, мои орудия. Я буду исходить также из единства как того, так и другого, называя психическое единство «я», а физическое – «космос». Таким образом, существует целое, которое я назову Миром, нечётко и условно разделяемое на космос и я.

2. Нечёткая граница между ними к тому же подвижна: я то отношу к себе и всё, чем владею, то отчуждаю от себя даже некоторые свои представления. Иногда я объёмлю весь Мир, а иногда не имею ничего.

Расширение я есть деятельность воли, а сжатие – деятельность мысли. Чтобы присвоить себе дерево, я должен его захватить и охранять. Если же первоначально оно было дано мне непосредственно, т.е. я не выделял его из себя, то мысль о нём сразу же противопоставляет его мне; подумав о нём, я теряю его. Но сокращение я рождает во мне представление дерева, теперь мне непосредственно дано не дерево, а его представление. Если же я подумаю об этом последнем, у меня и его не станет, а вместо него возникнет представление представления.

Таким образом, волевое усилие исключает мысль, а мысль исключает волевое усилие. Их совмещение в разумной волевой деятельности только кажущееся: в действительности они не совмещаются в ней, а чередуются.

Подумав о чём-то, я утрачиваю его как непосредственно моё и теперь стремлюсь получить его обратно. Но я не могу сделать этого иначе, чем присвоив его, завладев им, – иначе, чем посредством волевого усилия. Теперь я обдумываю, т.е. отчуждаю, другое, завладеваю им и т.д. Строительство Вавилонской башни состоит в таком мыслительном отчуждении и волевом захвате всего.

3. В этом существо научно-технического прогресса. Я стремлюсь утратить всё как моё истинное, чтобы всё завоевать. Я хочу обладать Миром не потому, что он мне от начала дан, а благодаря своей воле.

Но нечто уже утраченное мною может быть мне возвращено вдохновением. При этом моя воля бездействует, я получаю дерево, человека, море совершенно независимо от неё. Моя мысль может затем вновь лишиться меня этого и чередоваться в дальнейшем с вдохновением. И всякий раз она оставляет во мне представление, которое я запечатлеваю посредством красок, звуков или слов. В результате я создаю произведение искусства.

Но вот моя мысль исторгает из меня нечто, и я не стремлюсь вернуть его себе – завладеть им посредством воли. Я не экспериментирую над ним, не подчиняю его себе с помощью техники, я хочу только запечатлеть словами то представление, которое моя мысль дала мне взамен. Тогда я философ. Но занятия философией не опустошают меня, так как вместо отчуждаемых вещей я получаю их представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.